



СОБЫТИЯ 1939 ГОДА В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ НКВД

© 2019 г. Е.П. Серапионова

*Д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН
serapionovae@mail.ru*

Статья посвящена событиям 1939 г. в Чехословакии, ее разделу, провозглашению Словацкого государства и созданию протектората Богемия и Моравия, началу Второй мировой войны. В основном автор основывается на материалах Архива внешней политики Российской Федерации. В центре ее внимания внутренняя и внешняя политика Второй республики, протектората и Словацкого государства.

The article deals with the events of 1939 in Czechoslovakia, its partition, the proclamation of the Slovak state and creation of the Protectorate of Bohemia and Moravia, as well as the broke-out of World War Two. The author considers the materials from the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation. The main object of research is the home and foreign policy of the Second Republic, Protectorate and Slovak state.

Ключевые слова: Вторая чехословацкая республика, провозглашение независимого Словацкого государства, протекторат Богемия и Моравия в 1939, Вторая мировая война, отношение к СССР.

Keywords: Second Czechoslovak Republic, proclamation of the independent Slovak state, Protectorate of Bohemia and Moravia in 1939, Second World War, relations with the USSR.

DOI: 10.31857/S0869544X0006143-0

В год 80-летия распада Чехо-Словацкой республики (март 1939 г.) и начала Второй мировой войны (сентябрь того же года) события 1939 г. неизбежно обращают на себя внимание и требуют тщательного разбора. Статья основана на материалах, присылаемых в НКВД из советского посольства в Праге, а затем генконсульства СССР. В основном это обзоры печати, дополненные комментариями советских дипломатов. Очевидно, что в послеюнхенской Чехословакии, а затем в протекторате Богемия и Моравия и в Словакии существовала жесткая цензура, но тем не менее представляется, что пресса в сочетании со свидетельствами очевидцев дает общее представление о ходе событий и происходивших в стране изменениях.

Так называемая Вторая чехословацкая республика принципиально отличалась от созданного Т.Г. Масариком в 1918 г. государства, причем как внутренней, так и внешней политикой¹. Что касается внутренней политики, то еще

¹ Подробнее о «Второй республике» см. [1. С. 195–218; 2].

15 декабря 1938 г. парламент Чехословакии принял закон о чрезвычайных полномочиях на два года президента республики, которым стал Э. Гаха. Согласно этому документу, президент мог издавать декреты, меняющие законы или имеющие характер законов, в том числе и конституционных [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 26].

Несмотря на то, что в ноябре 1938 г. была введена автономия Словакии и Подкарпатской Руси², национальный вопрос еще больше обострился. «*Národné Noviny*» в декабре 1938 г. писали о преследовании чехов в Словакии, о лозунге «Чехи, вон из Словакии!», о том, что тысячи чешских служащих, рабочих и ремесленников высылаются из Словакии, закрываются «сокольские» спортивно-патриотические организации [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 27–28].

Началась «охота» на коммунистов и евреев. 28 декабря последовало постановление правительства о роспуске КПЧ Чехии и Моравии. В самом конце 1938 г. газета «*Národné Listy*» приветствовала роспуск компартии, так как тем самым устранялось препятствие на пути «лучших взаимоотношений с Германией» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 40]. Все коммунистические депутаты, сенаторы и члены самоуправлений потеряли свои мандаты. «*Národné Noviny*» и «*Večer*» сообщали, что еврейские профессора немецких высших и средних школ Чехословакии получили от Министерства школ и просвещения разрешение на предварительный отпуск и в ближайшем времени должен быть решен вопрос об их увольнении» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 40].

Печать Второй республики выступала за тесное сотрудничество с Германией, а орган словацкого правительства газета «*Slovák*» высказывалась за подписание Чехословакией антикоминтерновского пакта [3. Оп. 15. Д. 10. Папка 32 (январь–декабрь 1938). Л. 14]. В прессе всюду критиковалась внешняя политика бывшего президента Э. Бенеша, ее ориентация на Францию, советско-чехословацкий и советско-французский союзные договоры. Бенеша называли учеником Т.Г. Масарика, заложником неправильной внешнеполитической доктрины, «основанной не на реальности, а на философских представлениях» [3. Оп. 15. Д. 10. Папка 32 (январь–декабрь 1938). Л. 73]. Министр К. Сидор изложил пражскому правительству следующие требования словаков: разрыв пакта с СССР; публичный отказ от проявления симпатий к республиканской Испании; отказ от всякого иностранного влияния на внутренние дела Чехословакии (имелась ввиду, безусловно, Франция); отход от «еврейского» духа Лиги Наций; включение 25% словаков в три объединенные (чехословацкие) министерства: финансов, национальной обороны и внешней политики; а также радикальное решение еврейского вопроса, по крайней мере в Словакии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 30–31].

1 января 1939 г. газеты сообщали об отстранении от руководства «Соколом» д-ра Клингера на том основании, что ранее он был членом Чешской национально-социалистической партии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 32]. В начале января последовало и постановление правительства об увольнении с госслужбы замужних женщин [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 33]. В прессе появилось до определенной степени пропагандистское сообщение, что германскому правительству в Судетонемецкой области удалось ликвидировать безработицу, а в Чехо-Словакии она уменьшилась незначительно [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 34].

² 22 ноября 1938 г. Национальное собрание приняло конституционные законы об автономии Словакии и Подкарпатской Руси, официальное название государства изменилось на Чехо-Словацкая республика [4. S. 189–195; 5. S. 141].

Газеты писали о фашизации и антисемитских настроениях в Немецком университете в Праге и отмечали, что большинство народа не вступает ни в партию Национального единства, объединившую все буржуазные партии, ни в партию Труда (в которой объединились рабочие социалистические партии). Большинство выжидало. «Фронт выжидающих» — самая большая партия народа. Лишь католики ратовали за национальное единение [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 37–38].

21 января 1939 г. газета «Slovák» в статье под заголовком «Путь из Москвы в Берлин» писала: «Основная ошибка политики Бенеша заключается в том, что в борьбе против Германии он не брезговал заключить союз с самим дьяволом (имелся ввиду СССР.— *Е.С.*). Всегда были на лицо предпосылки для улучшения взаимоотношений с Германией, но этому препятствовала недостаточная гибкость внешней политики» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 39–40]. А 25 января «České slovo» сообщало о роспуске всех демократических, социалистических и коммунистических организаций в Словакии по постановлению словацкого правительства [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 44].

Печать информировала читателей о поездке министра иностранных дел Ф. Хвалковского в Берлин и приеме его А. Гитлером. Обсуждался вопрос о положении немецкого меньшинства в Чехословакии и общие вопросы взаимоотношений Германии и Чехословакии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 41]. «Deutsche Post», выходящая в Судетах, пересказывала демагогические высказывания фюрера о его желании, чтобы Чехословакия нашла путь к новым европейским взаимоотношениям, при этом он давал понять, что все зависит от самих чешских государственных руководителей. «Ни одному германскому государственному деятелю не придет в голову диктовать что либо Праге,— заявлял Гитлер.— Чехи должны сами себе стелить постель, в которой будут спать. Никто не намерен принуждать чехов. Интересно, однако, проследить за тем, проявятся ли у чехов собственные инициативы» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 46]. 22 февраля 1939 г. газета «Národní Listy» привела статистику внешнеторговых отношений Чехословакии и Германии за четвертый квартал 1938 г.: чехословацкий экспорт в Германию составлял 26%, а импорт 31%, таким образом торговый баланс для Чехословакии был пассивным (15 млн кр.ч.) [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 46].

В то же время пресса сообщала о докладе словацкого представителя д-ра Звершковиц в МИД на тему «Словакия в международных отношениях». В нем говорилось: «По отношению к Германии у чехов имеются две точки зрения. Одна из них рассматривает смысл чешской истории в борьбе с немцами, другая — подчеркивает необходимость германо-чешского сотрудничества. Мы, словаки, придерживаемся второго мнения. Мы не поддадимся политическим грезам, мы отстоим нашу независимость и построим новый тип государства Средней Европы, наподобие Швейцарии» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 47].

«Nationale Zeitung», выходящая в Эссене, в конце февраля 1939 г. сообщала, что тайная агитация в пользу Бенеша принимала все большие размеры и указывала, что определенные круги Национальной партии единства требуют публичного процесса против Бенеша, чтобы пресечь в корне эту агитацию. 23 февраля 1939 г. была опубликована речь министра иностранных дел Хвалковского, в которой он заявлял: «Наша цель — сохранить теперешние границы нашей страны и нашу национальную самостоятельность [...]. Дружеские отношения с Германией являются не только генеральной линией внешней

политики правительства, но и необходимы во внутренней политике» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 49].

Пожалуй единственная оппозиционная газета в Словакии, орган словацких евангелистов, «*Národné Noviny*» выступала против тоталитарных и сепаратистских тенденций словацкого правительства [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 49]. Что касается Подкарпатской Руси, то та же словацкая газета писала: «Украинцы живут в настоящее время в трех государствах. Поможем им объединиться в одном государстве с главным городом Киевом» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 50]. Очередной конфликт Хуста и Праги был вызван назначением генерала Прхалы карпаторусским министром внутренних дел, а политические деятели Закарпатья высказывали крайнее недовольство, что министром назначен чех [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 42–43].

Газета словацкого правительства «*Slovenská politika*» требовала разорвать союзнический договор с СССР и примкнуть к антикоминтерновскому пакту. Она писала: «Это бы не было подражанием Венгрии. Для нас должно быть ясно, что в скором времени вся Средняя Европа примкнет к этому пакту, а мы тогда опять окажемся последними из последних» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 55].

Но, как известно, даже такая прогерманская политика Второй республики не спасла ее от распада [4. S. 225–226] и создания 15 марта 1939 г. из Чехии и Моравии протектората [6. С. 419–421]. Министр иностранных дел Словакии Ф. Дюрчанский заявил, что согласие словаков на общее государство с чехами было ошибкой, и что теперь Словакия находится под охраной не только Германии, но и всей оси [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 79–80].

В конце апреля 1939 г. советский генконсул в Праге В.П. Яковлев отправил статью «Из Праги» в газету «Известия», в которой описывал настроения населения после 15 марта: «Безмолвно, с немим протестом встретила Прага оккупантов. Захватив без выстрела эту цветущую страну, немецкие солдаты с удивлением наблюдали спокойствие, порядок и дисциплину народа [...]. Свободолюбивый чешский народ, которому его правительство не позволило стрелять, всеми ему доступными формами и средствами, выражает свой протест перед актом насилия» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 8–10]. Далее в статье приводились примеры выражения протеста. Подвыпившая кампания немецких офицеров в пивной выкрикивает «Зик хайль!» (Да здравствует победа!). Чех вскакивает на стул, под его управлением оркестр играет национальный чешский гимн. Все присутствующие поют. Немцы спешно расплачиваются и уходят. Или – молодежь и студенты в кабачке «У Флека» выкрикивают «Ать жие СССР!» (Да здравствует СССР!). В г. Раковник (центре чешской мыловаренной промышленности) пасхальный вечер с танцами. Чешка отказалась танцевать с немецким офицером. Когда он попытался применить силу, вспыхнул скандал: три чеха убиты, 27 арестованы. На военных заводах Шкода в Пльзене происходила порча оборудования, в результате чего арестовано и уволено несколько сот рабочих-чехов. На всех заводах сидят немецкие комиссары, цеха наводнены гестапо. Задуманный как «триумфальный» приезд немецкого протектора в Прагу 5 апреля прошел по пустым улицам. На смену оккупационной армии в протекторат прибыли отряды гестапо и начали чинить расправу над антифашистами. Для помощи гестапо в Прагу прибыл полк штурмовиков СС, официальное назначение которых – личная охрана протектора Константина фон Нейрата. Наблюдались массовые аресты и репрессии в отношении демократов и, в первую очередь, коммунистов. В статье говорилось, что издевательства над евреями не знали границ. Все это вызвало волну эмиграции

чехов и евреев за границу. За разрешениями на выезд стояли тысячные очереди людей [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 11–12].

13 мая 1939 г. в протекторате был введен в действие (причем задним числом с 16 марта) Закон об обороне республики [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 87], дававший право неограниченной диктатуры германских властей. Этот закон и следовавшие одно за другим постановления германской администрации можно расценить как фактическую ликвидацию «протектората» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 128], но не прямым путем, а введением старого чехословацкого закона об обороне государства и повороте его острия против самих чехов. 23 мая государственный секретарь имперского Министерства внутренних дел Штуккарт в речи о конституционном положении протектората заявил, что с точки зрения государственного права он не обладает суверенитетом, а его автономия означает «возможность собственной творческой инициативы в правовых вопросах самоуправления, которые не были отнесены к компетенции Германии, под своим управлением и ответственностью развивать национальную чешскую жизнь» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 171]. Однако свобода «развивать национальную жизнь» являлась фикцией, о чем свидетельствует, например, публикация 26 мая газетой «Lidové Noviny» протеста Совета партии национального единства против вмешательства цензуры в дела искусства и литературы и против запрета на издания чешских классиков [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 172].

В июне в г. Находе произошло столкновение немецких и чешских полицейских, во время которого погиб чешский полицейский [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 67]. Столкновение чешских и немецких футбольных болельщиков повлекло за собой запрет всех спортивных мероприятий [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 81]. Все политические собрания запрещались, даже собрания партии Национального единства (содружества) [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 174].

Немецкие власти в протекторате стремились подавить чешский патриотизм. В Моравии было повсеместно запрещено ношение сокольской формы [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 39; Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 74], в протекторате запрещались чешские патриотические значки. В конце мая Ставовский театр был передан немецкому управлению [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 174]. После того как, несмотря на запрет аплодисментов, публика пять минут рукоплескала исполнителям оперы Б. Сметаны «Либуше» и пела национальный гимн [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 202], постановка этой чешской оперы в Национальном театре была отменена [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 75]. Югочешский национальный театр в Чешских Будеёвицах переименовали в немецкий городской театр в Будвезе [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 72], хотя немцы составляли лишь 10% населения города. В Брно земский театр передавался немцам: чехи могли ставить свои спектакли только десять дней в месяц, хотя чешское население составляло 75% [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 115]. Конфисковались здания чешских театров, чешские кинофильмы подлежали цензуре [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 336]. 18 июня введен официальный запрет властей петь и играть в ресторанах и кабачках чешские песни [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 77, 83].

В середине июня последовали правительственные законы о запрете стачек [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 77], о запрете выходить из дома после 21 часа, нарушители последнего подвергались аресту и штрафу в 10 тыс. кр.ч. [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 81]. Немецкими властями были закрыты границы Чехии и Моравии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 81].

В Оставской области в результате поджогов были уничтожены почти все еврейские синагоги [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 67]. Вводилась процентная норма для евреев в средних школах — 4%. Указом об исключении еврейского и масонского влияния из общественной жизни евреям было запрещено участвовать в чешских национальных постановках [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 71]. В конце июня был опубликован декрет имперского протектора о еврейской собственности. Евреям запрещалось иметь поместья, предприятия, ценные бумаги, брать собственность в аренду без письменного разрешения протектора. При этом запрещалась продажа и покупка поместий, ценных бумаг и пр. До 31 июля евреи должны были сообщить обо всех вещах в их собственности (золоте, платине, серебре, драгоценных камнях), причем их продажа и залог запрещались [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 36]. Имперский протектор мог назначить комиссаров на еврейские предприятия. Закон об обороне государства предусматривал возможность экспроприации земли, предприятий и рабочей силы в интересах обороны государства [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 37]. Закон о «еврейском имуществе» практически уничтожал всякие права евреев на собственность. В комментариях к материалу, направленному в Москву, говорилось: «Закон направлен не только против евреев, а в первую очередь против чехов. Фактически любое предприятие могло быть признано еврейским, конфисковано и передано в “арийские” немецкие руки [...], речь идет о германизации чешского хозяйства» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 88]. Позднее появилось постановление правительства об обязательной для всех регистрации драгоценных металлов, ценных бумаг и денежных счетов. Хозяйство и экономика протектората перестраивались по образцу фашистской Германии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 144]. Но речь шла не только о германизации экономики, но и ассимиляции населения [8. С. 106–109]. Процесс усиленной германизации проводился под маской «аризации». В совете управления предприятий Шкода из 20 членов остались только девять чехов [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 180–181].

Германский наместник в Судетской области Конрад Генлейн в выступлении на митинге перед чешскими немцами в пражском парке Стромовка в конце июня 1939 г. заявил: «Чехи должны отделаться от своих патриотических иллюзий, ибо Германия раз и навсегда решила, что Чехия и Моравия будут на вечные времена в составе германской империи» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 134]. И призвал немецких фашистов в протекторате бороться за интересы Германии.

Все это рождало протест. В Йичине чехи уничтожили все немецкие надписи и вывески [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 72]. Распространялись антинемецкие прокламации, в которых содержались призывы: «Не покупайте в немецких магазинах, не ходите на немецкие фильмы, игнорируйте немецкую армию!» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 75]. То там, то здесь проходили стихийные манифестации и митинги, например, в мае — у могилы историка Ф. Палацкого, в июне — при открытии памятника композитору Б. Сметане и монумента поэту Г. Махе в г. Бела над Бездецем [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 133]. 5 июля чешская печать писала о национальном герое Яне Гусе, выражая между строк протестные настроения, чехи отмечали годовщину сожжения на костре Я. Гуса возложением цветов к памятнику на Староместской площади в Праге [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 140]. Стали нелегально распространяться листовки и подпольные издания (газеты «V boj», «Rudé Pravo», «Vlastenec» и др.) [3. Оп. 19. Д. 6. Папка 34. Л. 2–3]. В Словакии запрещалось отмечать годовщину смерти Я. Гуса и короля Вацлава IV [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 136].

Временные газеты в протекторате не могли выходить из-за антинемецких публикаций. Для пресечения нелегальной пропаганды звучали даже требования запретить использование пишущих машинок [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 37].

Резкое недовольство властей вызвала публикация на первой странице журнала «Český filatelista» фотографии марок с портретом Бенеша с какими-то якобы интересными для филателистов дефектами. Немцы представили это агитацией за Бенеша и требовали снять редактора. Выходившая в Брно «Volksdeutsche Zeitung» характеризовала новую книгу бывшего министра иностранных дел К. Крофты как «робкую попытку» оправдания политики Бенеша [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 38].

В протекторате было официально введено два языка: чешский и немецкий [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 40], но в названиях мест в различных учреждениях могло использоваться только немецкое название [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 335]. Даже ограниченная автономия протектората со временем все больше урезалась. 7 июня Гитлер подписал закон о том, что германский «протектор» в Чехии и Моравии может своим решением изменять автономные права чехов, официально зафиксированные в статусе «протектората» от 16 марта 1939 г. В случае опасности германский «протектор» мог в срочном порядке издавать распоряжения любого характера [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 131]. 27 июня все газеты опубликовали имперский указ о праве протектора выпускать и изменять законы. Все мероприятия, законы и указы, исходящие от протектора, не подлежали контролю судов и учреждений чешской автономной администрации [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 39], а следовательно, этим указом чешская автономия фактически ликвидировалась.

В конце июня газеты сообщали о том, что в Германии уже работали 52 тыс. бывших безработных из Чехии и Моравии. И позднее все безработные протектората отправлялись на работу в Германию [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 40, 42]. В прессе сообщалось и о 50 тыс. словацких рабочих, отправленных для работы в рейх [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 82].

В начале июля последовал роспуск органов самоуправления в Брно, Чешских Будеёвицах, Иглаве, Моравской Острове, Оломоуце, управление переходило к германским правительственным комиссарам. Города считались немецкими, хотя согласно переписи 1930 г. немцы в Брно составляли 21% населения, в Моравской Острове – 17%, в Оломоуце – 23%, Йиглаве – 24%, Чешских Будеёвицах – 15% [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 138]. Все государственные служащие проходили проверку их арийского происхождения [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 49]. Многие чешские школы закрывались, и открывались немецкие. Газеты писали, что к осени 1939 г. было закрыто 32 чешские школы, а в чешских поселениях открывались немецкие школы, предназначенные в том числе и для тех чешских детей, отцы которых работали в Германии. Немецкие высшие школы считались германскими и не подлежали управлению чешских органов, но протекторат должен был их содержать и финансировать. Археологические ценности увозились в Германию, чешские ученые не могли участвовать в международных конгрессах без разрешения властей и должны были выступать только на немецком языке. Ряд чешских профессоров были арестованы и посажены в тюрьму [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 336].

В августе было распущено Национальное объединение легионеров, а все его имущество (банк, типография) перешло к гестапо [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 18]. Почти вся чешская пресса Чехии и Моравии официально издавалась

правой партией «Национальное единство» под председательством Небеского и находилась под германским руководством. Вождь-президент Э. Гаха в интервью «Nationale Zeitung» заявил, что его задача — примирение немцев и чехов, а с чехами за границей (имелось в виду движение Сопrotивления на Западе. — *Е.С.*) якобы никакой связи нет [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 242].

«České slovo» в передовой под названием «Вопросы словацкой ориентации» 13 июня 1939 г. писало, что в Словакии идет борьба двух направлений: одно — славянофильское, которое газета называла историческим, другое — германофильское, определявшееся в статье как реалистическое [3. Оп. 19. Д. 4. Л. 82]. Германофильская группа в лице В. Туки, А. Маха и К. Мургаши в каждом выступлении заявляла о необходимости самого тесного сотрудничества Словакии с Германией, о борьбе словацкого правительства против антигосударственных элементов, против панславизма, против симпатий словацкого народа к демократическим чехам и Советскому Союзу [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 43]. Было и третье словацкое направление³, приверженцы которого либо наивно верили в возможность сохранить независимость, либо делали вид, что верят, но газета «Slovenská pravda» опубликовала речь генерального секретаря глинковской народной партии Словакии Й. Киришбаума, в которой он заявлял, что Словакия находится между двумя идеологическими глыбами: немецким национальным социализмом и советским большевизмом, поэтому ей следует идти своим словацким «средним» путем, «независящим ни от кого» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 345]. Тем не менее 18 августа Германия и Словакия подписали военный союз [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 2]. Закон от 23 августа 1939 г. вводил в Словакии на два года всеобщую трудовую повинность для мужчин от 16 лет [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 6].

Однако тон словацкой прессы резко изменился после заключения советско-германского пакта. Так, словацкий премьер-министр В. Тука в речи в парламенте заявлял: «Братский русский народ является субъектом или только предметом того огромного эксперимента [...] по строительству новой системы общественной жизни человечества [...], однако мы не можем следовать его примеру», ибо «огромная Россия» может перенести неудачу эксперимента, а Словакия «под давлением таких жертв была бы уничтожена» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 344].

Советско-немецкий пакт о ненападении приветствовал и премьер Элиаш, заявив, что «неисчерпаемые запасы сырья из СССР обогатили экономическую жизнь всей империи и протектората Богемии и Моравии» [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 7].

«České slovo» сообщало: «Теперь Словакия завязала дипломатические связи с Россией и то обстоятельство, что в Москву в качестве посла был направлен Франьо Тисо, имеющий экономический опыт, дает повод полагать, что связи с Россией будут развиваться главным образом в экономической сфере» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 346]. В характеристике словацкого посланника в СССР, направленной в Москву, отмечалось, что Ф. Тисо, родственник президента Й. Тисо, раньше был преподавателем средней школы, производит впечатление «разумного и разбирающегося в политике человека». Он прибыл в Москву в декабре 1939 г. [8. С. 84–86].

³ О трех, но несколько иных направлениях словацких политиков сообщал в июне 1939 г. из Праги в НКВД В.П. Яковлев [8. С. 83].

Чуть позже эта же газета поместила корреспонденцию германского бюро печати в Праге о взаимоотношениях чехов и русских, где называла надежды чехов на русских как спасителей «чуждыми действительности и нежизненными»: «Германия и Россия счастливо дополняют друг друга. Оба государства при посредничестве прямого обмена взглядов своих руководителей договорились о жизненных основах для своих государств» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 342]. В комментариях к этому материалу советские представители в Праге отмечали: «Эта статья является тонкой попыткой повлиять на симпатию чехов к русским и СССР. Между строк следует читать: «Русские продали вас, как славянский народ, заключив с нами, немцами, вашими врагами, дружбу. Откажитесь от надежды на помощь СССР» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 341–342]. Действительно, 26 августа народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов принял чехословацкого посланника в Москве З. Фирлингера⁴ и сообщил ему, что советское правительство не признает чехословацкой республики⁵, тем самым оно признавало новое устройство в Центральной Европе – Словацкое государство и протекторат [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 12–15].

Летом было принято постановление о снижении заработной платы лицам на государственной службе и пособий пенсионерам в протекторате. Объяснялось это большим количеством беженцев из Судетской области, Словакии и Карпатской Украины, ликвидацией чехословацкой армии, а следовательно, возросшими расходами государства на содержание этих лиц [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 144]. В августе газеты писали о повышении цен на мясо и муку [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 79]. Позднее, уже после начала Второй мировой войны, была введена карточная система снабжения продуктами, нередко бывали перебои со снабжением жирами и мясом, последнее завозилось несвежим, наблюдались случаи отравления мясом [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 341].

В протекторате продолжалась антисемитская политика. В середине августа был введен запрет евреям посещать ряд гостиниц, кафе и ресторанов, а также театры и кино. Магазины, принадлежавшие евреям, должны были иметь вывеску «Еврейский магазин» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 116–117].

Августовскими указами Нейрата все чехи обязывались сдать оружие и взрывчатые вещества [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 114], были распущены все спортивные стрелковые организации и общества. В сентябре последовал запрет на выезд из протектората евреев, врачей и химиков [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 132].

Газеты «Večer» 6 сентября, а «Národní politika» 7 сентября в передовых статьях обрушились на Бенеша за то, что он заявил о солидарности с Англией в войне против Германии, и напомнили ему о мюнхенском предательстве Великобритании, потерявшей доверие чехов, также как и сам Бенеш.

Советское генконсульство в Праге сообщало в Москву о настроениях чешского народа: «Первая реакция при вступлении Красной Армии в Польшу была довольно путанная и преобладало чувство непонимания, а иногда и отпора. Но вскоре это было преодолено соображением, что Красная Армия стала к нам ближе» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 226]. Осенью 1939 г. Генконсульство

⁴18 марта 1939 г. в газете «Известия» было опубликовано заявление посланника ЧСР в СССР: «Ввиду трагических событий в Чехословакии я счел нужным сложить мои полномочия» [6. С. 426].

⁵Как известно, в ноте послу Германии в СССР от 18 марта 1939 г. народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов от имени советского правительства заявлял о непризнании включения в состав Германии Чехии и изменения статуса Словакии [6. С. 426–428].

пересылало в столицу СССР в НКВД наивные письма и обращения чехов протектората: «Чешский народ желает и просит правительство Союза Советских Социалистических республик присоединить нас как самостоятельную республику к СССР [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 162]», «Вы, господин посол, своим влиянием на Ваше правительство посодействуйте взять нас под свою охрану и освободить наш народ от гитлеровских немецких разбойников» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 165], «Мы не верим, что нас СССР, в котором мы видели последнюю надежду, что нас освободит, нас чехов [...], чтобы он нас оставил» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 165].

В день образования Чехословакии 28 октября 1939 г. прошли демонстрации, в некоторых местах сопровождавшиеся беспорядками. Зачинщики были арестованы [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. 240]. Последовало новое ужесточение режима и ограничение какой бы то ни было самостоятельности и выборности. В декабре 1939 г. Франк распустил чешскую административную комиссию Праги, последовал декрет о роспуске городского муниципалитета. Руководство городом было передано правительственному комиссару Праги (бывшему городскому голове Клапке). Его заместителем назначался немец Пфимтцнер (и ранее занимавший пост заместителя городского головы). Все решения становились действительными лишь за двумя подписями [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 340]. Городское самоуправление заменялось авторитарной системой.

Усилился германизаторский курс в протекторате, проводимый с помощью террора, пропагандистских и административных мероприятий. Чешские газеты были вынуждены публиковать материалы против деятельности Э. Бенеша за границей [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 243]. Так в газете «Venkov» появились статьи, направленные против Бенеша и нелояльной режиму интеллигенции, инициированные немецкими властями.

После студенческих демонстраций, прошедших в середине ноября, последовали репрессии: на три года закрывались чешские вузы, а ведущая часть чешской интеллигенции очутилась в концлагерях Германии. С 1 декабря в Чехии и Моравии была введена трудовая повинность. Немецкие оберландраты должны были привлекать для работы всех лиц от 15 до 70 лет (кроме матерей, имеющих детей до 15 лет, беременных женщин после шести месяцев беременности и женщин-рожениц) [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 337].

За любое, казалось бы, незначительное проявление протеста, следовало жесткое наказание. Так за отказ продать товар немецкой покупательнице директор магазина заводов Бати в Праге и провинившийся продавец подверглись аресту и отправке в концентрационный лагерь [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 337]. В связи с приездом в Прагу на открытие «Немецкого дома» К. Генлейна и заведующего орготделом германской фашистской партии Лея в центре Праги на Староместской площади состоялся митинг пражских немцев, на котором выступили Генлейн, Лей и государственный секретарь, заместитель протектора Карл Франк. Последний выступил с очень жесткой речью, которая была опубликована пражскими газетами 3 декабря 1939 г. и демонстрирует, как представляли себе протекторат немецкие власти. Франк заявил, что его речь еще раз ясно и четко откроет глаза чехам и чешскому правительству на следующее: 1. «С 16 марта 1939 г. Чехия и Моравия являются непосредственной частью Великогерманской империи», а «где реет знамя со свастикой, там оно реет навеки», — хвастливо добавлял он. 2. Чехи имеют возможность получить «счастливую и спокойную жизнь» в большой и богатой германской империи, как жили их предки «под руководством немецких князей и королей», если наконец признают

реальную политическую действительность. Для этого, по его словам, чехам надо освободиться от лжи в чешской истории, иллюзий и легионерской идеологии, а также от влияния Парижа и Лондона, которое всегда приносило им вред. Он добавил: «Чехи должны отказаться от влияния своих эмигрировавших фантазёров, связанных с евреями». 3. Чешское правительство и чешские руководители должны оставить «двойную игру» и взять пример со словацкого правительства. 4. Чешский народ должен быть признателен «великодушию» Гитлера за то, что чешские города и деревни не уничтожены, как в соседней Польше, а сотни тысяч чехов не проливают кровь. 5. Немецкий народ и империя вместе с протекторатом находятся в состоянии войны, навязанной Англией, и которую Германия доведет до полнейшей победы. Он самонадеянно заявлял: «1918 г. с его последствиями [...] никогда уже не возвратится. Для немецкого народа уже никогда не будет протокола о примирении, на котором стоит подпись чешского эмигранта». 6. «Проведение аналогий с 1918 г. (правительство эмигрантов за границей и т.д.) было бы для чехов наибольшим самообманом, если бы они верили, что при помощи заграницы им было бы можно еще один раз создать Чехословакию, так бесславно погибшую». В заключении Франк подчеркнул, что национал-социалистическая империя – это не Австро-Венгрия времен мировой войны. А в самом конце его речи содержалась прямая угроза чехам: «Недопустимо [...] здесь еще терпеть подпольную подрывную деятельность, сопротивление или демократические действия. С сегодняшнего дня, без предупреждения будут приниматься наиострейшие меры. Кто не с нами, тот против нас. Кто против нас – будет уничтожен» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 338–339].

9 декабря пражская пресса опубликовала интервью с премьер-министром Элиашем, который повторил замечание Бисмарка о том, что кто является хозяином Чехии, тот господин Европы. Он подчеркнул, что восьмимиллионный чешский народ соседствует с 80-миллионным немецким народом. Ссылаясь на судьбу Польши, Элиаш отмечал, что чешский народ «вполне оценивает тот факт, что спокойным вчленением Чехии и Моравии в состав Германской империи он был сохранен от прямой угрозы самим основам национальной жизни» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 339]. По его словам, народ приветствовал «конец неправильно понимаемой демократии, которая не решила проблем, а их откладыванием только увеличила трудности их решения». От имени чешской общественности Элиаш признал необходимость авторитарной и «ответственной» системы руководства и значение руководящего положения германской империи для строительства Средней и Новой Европы. На вопросы о том, как чешское правительство относится к деятельности Э. Бенеша и его сторонников за границей, а также к созданию ими воинских частей, последовал ответ: «Отрицательно», так как эта деятельность безответственна и приводит к негативным последствиям для чешского народа. Он характеризовал ее как «частную акцию эмигрантов» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 339–340]. По мнению советских дипломатов, слова Элиаша были продиктованы угрозой репрессий и являлись своеобразным ответом на угрожающую речь Франка от 3 декабря.

А теперь несколько слов в заключение.

Ранее протекторат трактовался чешскими историками как оккупация, позднее некоторые из них стали писать, что это не совсем так, что это нечто среднее между самостоятельностью и оккупацией. Дело в том, что 16 марта чешскому народу гарантировались автономное развитие и национальная жизнь. За протекторатом вождь признал целиком все атрибуты государства, в том числе и международную самостоятельность, которые позже были ликвидированы.

Постановлениями от 7 июля о законодательном праве в протекторате и организации управления и немецкой уголовной полиции от 1 августа 1939 г. автономия была ограничена, а протектору предоставлялась неограниченная законодательная власть. К компетенции немецких органов была отнесена экономическая жизнь, приняты законы о еврейском имуществе, обороне государства, введены немецкие суды, немецкая полиция.

На самом деле 15 марта была совершена аннексия, так как территория Чехии и Моравии была занята немецкими войсками и включена в германский рейх. Прибывшие в Германию для решения вопросов границ после объявления о независимости Словакии (14 марта 1939 г.) президент Э. Гаха и министры иностранных дел Ф. Хвалковский⁶ были поставлены перед необходимостью подписать международный договор, по которому чешское государство отказывалось от своей государственной независимости (суверенитета), а Германия брала эту территорию под свое покровительство и давала гарантию автономного развития чешской национальной жизни и чешской самобытности. 16 марта 1939 г. имперский канцлер объявил по радио об учреждении протектората Богемия и Моравия и включении его территории в состав Германии. Оккупация проводилась в течение месяца, когда вся исполнительная власть принадлежала оккупационной армии. Вместе с германскими войсками на занятую территорию прибыли германские чиновники, которые были назначены «высшими областными советниками». 19 чиновников на территории протектората обладали своим служебным аппаратом. Затем административная власть сосредоточилась у имперского протектора – представителя имперского канцлера в протекторате. При нем имелось управление имперского протектора, объединявшее все отрасли администрации. Причем имперский протектор обладал правом абсолютного вето в отношении любого законодательного акта, административного либо судебного постановления. Протекторат Богемия и Моравия был наделен известной мерой самостоятельности, но не на территориальной основе, а на основе национальной. В территориальном отношении он всецело принадлежал германской империи. Чехи–граждане протектората пользовались автономным положением, а немцы являлись германскими гражданами и подлежали правомочию германского правосудия. Протекторат давал особое гражданство. Германские граждане пользовались всеми правами граждан протектората. Протекторат издавал собственные законы, причем на основе еще чехословацкого закона от 15 декабря 1938 г. эту функцию осуществляло правительство протектората. В протекторате продолжала действовать конституция бывшей Чехо-Словакии в той мере, в которой она не противоречила охране протектората рейхом. Внешней политикой ведал рейх. Собственного внешнеполитического представительства и права на самостоятельную армию протекторат не имел [10. S. 348]. С точки зрения международной протекторат Богемия и Моравия являлся составной частью рейха и не обладал юридическим суверенитетом [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 255–261]. Это было достаточно оригинальное образование, и по своим отличительным признакам оно не соответствовало прежнему понятию протекторат.

Знакомство с документами этого периода дает основание говорить о том, что хотя официально сохранялась видимость автономии, но она все более и более ограничивалась, и на деле режим протектората стал мало чем отличаться от оккупационного.

⁶ Сцена визита к Гитлеру подробно описана в [9. S. 36–39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории в 2 кн. / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2005. Кн. 1.
2. *Rataj J.* O autoritativní národní stát. Ideologické proměny české politiky v druhé republice 1938–1939. Praha, 1997.
3. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0138 Референтура по Чехословакии.
4. Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. II. Bratislava, 1998.
5. *Pop I.* Podkarpatská Rus. Praha, 2005.
6. Документы по истории мюнхенского сговора 1937–1939. М., 1979.
7. *Шевченко К.В.* Протекторат Богемия и Моравия в 1939–1945 годах: технологии германизации чешского народа // Вторая мировая война 1939–1945 гг. в истории СССР, Чехословакии и славянских народов / Под ред. Ю.А. Борисенка, А.Ю. Полунова, К.В. Шевченко. Минск, 2019.
8. *Марьина В.В.* СССР – Словакия 1939–1945: военно-политические аспекты. М., 2017.
9. *Tomášek D., Kvaček R.* Causa Emil Hácha. Praha, 1995.
10. *Pánek J., Tůma O. a kol.* Dějiny Českých zemí. Praha, 2008.